

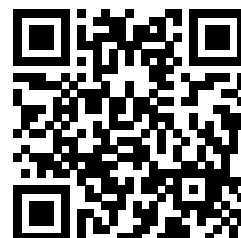
И где мы?

Священник Андрей Мизюк — о российском священстве в окопах и палатах

14:34, 25 апреля 2026,

Андрей Мизюк

священник

Священник Андрей Мизюк. Автопортрет в ковид-пандемию

Шесть лет назад в мире была объявлена пандемия короновиральной инфекции. Жуткие кадры из Китая и Италии приводили в ужас, полки в магазинах пустели, яростно сметались крупы и почему-то туалетная бумага. С высоты дней нынешних на всё это смотришь не то чтобы с ностальгией, но как на нечто уже не сверхужасное.

Хотя должен сказать, что именно то время подарило, как ни странно, маленькую надежду, будто у мира нашлась, пусть и печальная, но все-таки возможность объединиться.

Пересмотреть и переосмыслить все сложности и трения и на фоне невидимой страшной угрозы, и несмотря на фактический жесткий карантин, выйти друг другу навстречу.

Никакого встречного движения и осмысления ценности

человеческой жизни не случилось. Наоборот, пришла беда куда горше.

А вот тут переосмысление произошло. Но со знаком минус. В обратную от правды, милосердия и здравомыслия сторону.

К этим воспоминаниям меня побудила трагическая новость из России, из тех мест, где я когда-то служил. Говорить подробно о ней не могу — могут пострадать дорогие для меня люди, но тяжелое предчувствие не покидало меня с самого начала. С того дня, когда всё началось.

Жить не по лжи не получилось. Это страшная реальность для Русской православной церкви сегодня. Казалось бы, есть очевидные и предельно ясные истины. Кровопролитие, разрушающее всё на своем пути, отвратительно и ужасно. Причины и поводы, конечно, красиво и подробно объяснили. Но задай себе вопрос: кто ты? Пусть хоть сто пятьдесят причин тебе назовут, вернись к этому вопросу.

Не буду говорить и рассуждать о логике военных, тут всё понятно. Вернемся к церкви. Неужели там совсем некому было задать себе этот простой вопрос? Задать себе этот вопрос и возвысить голос. Я тут, прежде всего, говорю о имеющих право и обязанность говорить от имени церкви. Но молчание, потом невнятная молитва «о святой Руси» в первой редакции, а чуть позже и так называемая молитва о победе.

А потом вслед за армией отправились и священники. Те, что, видимо, и сами искренне поверили в идею «священной войны». Раз патриарх ее таковой назвал, какие могут быть сомнения?

Впрочем, стоит заметить, что задолго до того немалое количество духовенства РПЦ искренне верило в «особую роль и исключительность богохранимого Отечества», которое, если уж за что и возьмется, то сделает всё правильно и по

благословению Божию. Зачем в этом сомневаться?

Поэтому многие отправились туда искренне и по велению сердца. Но, Господи, как поверить в то, что происходящее — правильно? Я не знаю, я не могу ответить на этот вопрос. Точнее, я ответил. С момента отъезда из страны в 2022 году я больше не считаю себя частью этого института, я не согласен с его идеологией, вторящей госпропаганде, я не приемлю никакие оправдания и отговорки, которые могут быть произнесены сегодня и будут произноситься потом.

Когда кто-то потом скажет, что, мол, мы были вынуждены, нас заставили и прочее, то в сетевой памяти обязательно всплывут слова патриарха про «священную войну», агрессивные проповеди епископата и духовенства.

Как тут забудешь рассуждения одного батюшки, который совершенно искренне, говоря о боевых действиях, в адрес украинцев — мирных жителей — произнес: «Мы пришли освобождать не вас, а от вас».

Руинированная пустыня. Рукотворная.

Ответьте сами себе: в какую пустоту вы отправляете возглас «Мир всем», совершая литургии, особенно в прифронтовых условиях. Кому нужен этот «мир», когда вы сами не в мире и не с миром?

Я почему вспомнил про пандемию? В июле 2020 года я впервые переступил порог «красной зоны» в ковидгоспитале. Я шел с причастием к моему знакомому — умирающему от пневмонии

врачу, которая сама лечила и сама пала от этой болезни. Оставались часы. И правдами и неправдами мы все-таки выбили разрешение попасть в палату.

И да, мне было страшно, я неплохо представлял себе возможные последствия, учитывая и свои хронические болезни, но и не пойти было нельзя. Лето 2020-го было страшным по количеству смертей, особенно в том самом госпитале. Но дело было сделано. И я пришел. И человек произнес последнюю исповедь и принял Святые Дары и больше мы уже не виделись, так как в следующие сутки она умерла.

А потом еще полтора года я не выходил из этих больниц. Не потому, что болел сам, а потому, что там были люди, которые были в беде и которым нужна была рука в руке в страшной реанимации, которые принимали Причастие в почти гаснущем сознании, боясь и плача. Но рука в руке, в слабеющей и разжимающейся руке, и эти последние минуты для них, Господи, я надеюсь, были не так тяжелы и страшны. Я многих очень и очень хорошо помню. И слова, и глаза, и просьбы, и молитвы.

Послушайте, я не хочу рассказывать о том, как хорошо и правильно поступал. Я сделал очень мало — то, что смог. Но мы как священники призваны быть с теми, кто страдает, и с теми, кто в беде. Да, молиться мы должны найти в себе силы и о тех, кто совершает беззаконие. Но с кем мы должны быть в первую очередь? Всей душой и жизнью, всем своим призванием?

И где мы?

«Патриаршая благодарность» за участие в борьбе с коронавирусной инфекцией. Фото автора

Фото автора

P.S. В феврале 2021 года меня внезапно наградили медалью «Патриаршая благодарность» за участие в борьбе с коронавирусом. Ваше святейшество! Не стоит благодарности, медаль я возвращаю и оставляю в одном из ереванских приходов РПЦ. С документами. Раньше не было возможности, а теперь есть желание и необходимость вернуть. Потому что по-другому не могу.
